

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

БОРЬБА НАРОДОВ РУСИ И ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ С АГРЕССИЕЙ НЕМЕЦКИХ, ШВЕДСКИХ И ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ в XIII—XV веках

В. Т. Пашуто

Русь на рубеже XIII в.

В историю нашей Родины XIII век вошел как время суровых испытаний, время кровопролитной борьбы народов против нашествия монголо-татарских полчищ и вторжения немецких, шведских и датских крестоносцев, поддержанных могущественным в ту пору папством. На рубеже XII—XIII вв. Русь представляла собой огромное государство. Оно раскинулось от причерноморских степей до побережья Ледовитого океана, от Западной Двины и Дуная — до Волги. Но обширная страна не знала длительного внутреннего мира с тех пор, как Киевская Русь утратила былое политическое единство. Правда, в номинальной столице страны Киеве по-прежнему сидел великий князь, там же находился и митрополит, возглавлявший христианскую церковь, однако реальная власть оказалась в руках князей, бояр и церковной знати (епископов, игуменов монастырей) отдельных земель.

Экономически окрепли и политически обособились от Киева Черниговская, Полоцко-Минская, Галицко-Волынская, Владимиро-Суздальская, Смоленская и другие земли, а также Новгородская и Псковская боярско-купеческие республики. Обострилась борьба за политическую власть. Некоторые из этих земель по своим размерам не уступали крупным европейским государствам. Поэтому не удивительно, что владими́ро-суздальские, галицко-волынские, черниговские князья неоднократно пытались утвердить свое господство над всей Русью; в подобных поползновениях их поддерживали местное служилое боярство и города. Но успехи этих князей были недолговечны, так как военно-политическое подчинение той или другой соседней земли еще не основывалось на прочных экономических связях. Время от времени правители крупных княжеств съезжались в Киев для решения вопросов о совместной борьбе с набегами степных кочевников — половцев. Однако гораздо чаще они вели междоусобные войны из-за земель, городов и доходов. Их распри, несшие разорение крестьянству и городам, продолжались даже тогда, когда внешние враги угрожали Русской земле, ослабляли военную мощь Руси и затрудняли борьбу русского народа за независимость. О виновниках этих войн — князьях с глубокой горечью писал автор бесстрашного «Слова о полку Игореве»:

«Рекоста бо брат брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«Се великое» моѣвити,
А сами на себе крамолу ковати,
А погании с всех стран прихаждаху с победами
На землю Рускую»¹.

Несмотря на внутренние распри и опустошительные вторжения кочевников, Русь выстояла. Она была земледельческой страной: русский пахарь — смерд своим трудом кормил и одевал ее жителей. Рожь, овес и пшеница, репа и капуста, вишни и яблоки — все главные виды полевых, огородных и садовых культур были известны ему. Но простой народ жил скудно, так как не был свободен. Князья, бояре и дворяне, епископы и монастыри владели его землей и отбирали у него в виде оброка большую часть плодов труда. «Один с сошкой, а семеро с ложкой», — говорилось в народе. Бесправие, бедность, курная изба, убогие орудия труда, постоянный страх за судьбу урожая, разорение от войн, а то и голод — таков был удел крестьянина. Те, чье благополучие строилось на угнетении крестьянина, имели обширные земельные угодья, дворы с челядью и подневольными холопами, жили в каменных хоробах в городах.

¹ «Слово о полку Игореве». М.-Л. 1950, стр. 17.

присутствовали при состязании витязей и торжественных богослужениях, принимали участие в военных походах и пьяных пирях, творили суд и расправу с непокорными.

«Страной городов» называли Русь иноземцы. Их поражало величие Киева, его храм св. Софии, Десятинная церковь, Золотые ворота, монастыри. «Соперником Константинополя» — блестящей столицы Византийской империи — считали они этот город, славный своим ремеслом и множеством рынков. Караваны с солью из Галича и Крыма стекались в Киев и Суздаль, купцы из Новгорода Великого и Ростова доставляли драгоценную пушнину на Волынь; на своих подворьях жили в Новгороде, Киеве, Галиче купцы из стран Европы, Передней Азии и Востока. Свыше 300 городов и крепостей упоминали на Руси тогдашние летописи. В разных концах страны возникали и крепились новые центры — Москва, Владимир-на-Клязьме, Нижний Новгород. Замечательный княжеский дворец в Боголюбове, новгородская церковь Спаса-Нередицы (варварски разрушенная фашистами), великолепные соборы в Дмитрове и Чернигове, Полоцке и Галиче, украшенные каменной резьбой, порталами, литыми фигурными воротами, — зримые памятники русским «делателям», городовикам, умельцам. Тысячи сельских и городских ремесленников, оружейников, златокузнецов снабжали страну орудиями труда, оружием, создавали тончайшие изделия из бронзы, серебра и золота.

Советские археологи ведут раскопки многих городов. Снимая слой за слоем вековые напластования земли, они находят водопроводы и мостовые, домницы и горны, сошники и мечи, шахматы и ложки, азбуковники и игрушки и, что особенно примечательно, множество грамот, писанных горожанами на бересте. Сотни грамот обнаружены в Новгороде, найдены они также в Витебске, Пскове, Полоцке и Смоленске. Эти открытия развеяли в прах легенду о культурной отсталости Древней Руси. В большинстве крупных городов велись свои летописи; часть киевских, новгородских, владими́ро-суздальских и галицко-волинских летописей сохранилась донныне и поражает нас духовной зрелостью древнерусских книжников. Народ был чужд феодальных распри и хранил память о былом единстве Руси. Былины, летописи, красноречивые проповеди епископа и древнерусского писателя Кирилла Туровского, назидательные повести киевского «Патерика», «Моление Даниила Заточника», наконец, «Слово о полку Игореве» — таковы лишь некоторые образцы культурного наследия русского народа.

Горожане не были однородной массой: «меньшие», простые, «рукодельные» люди — ремесленники — находились под властью бояр, купцов, церковников. Правящая знать таких крупных городов, как Новгород, Киев, Владимир-на-Клязьме, Галич-на-Днестре, Псков и другие, располагала городскими ополчениями — полками «пешцев» и выступала на политической арене в качестве серьезной силы, с которой считались и князья.

На Руси господствовал феодальный общественный строй, основанный на угнетении простого народа собственниками земли, строй, при котором «богат возглаголеть — вси молчат и вознесут его слово до облак, а убогий возглаголеть — вси на нь кликнууть», — писал Даниил Заточник, известный дворянский публицист того времени. В селах и городах шла классовая борьба угнетенных и неимущих против богатых, не раз перераставшая в открытые восстания крестьян и городской бедноты: народ разорял дома воевод, тысячских, судей и других представителей власти, что неоднократно бывало в Киеве, Новгороде, Галиче, Владимире, Смоленске. Тогда феодалы оставляли на время свои междоусобные споры, распри и войны. Мечом княжеской дружины, статьёй государственного закона — «Русской Правды», крестом православной церкви убивали, карали, страшили они простой народ, принуждая его к покорности.

Немалую часть созидаемых народом богатств князья, бояре и купцы сбывали за рубеж, где на вырученные деньги покупали себе дорогие одежды, оружие, заморские яства и вина. Русские купеческие товарищества получили признание за границей: возникли русские улусы и подворья в Константинополе, в шведском городе Сигтуне, Ревеле, Булгаре — столице Волжской Болгарии и в среднеазиатском городе Ургенче. Слухи о сокровищах Руси поражали воображение поэтов Франции и Германии².

Властвуя над народом, князья и бояре отдельные земель опирались на разветвленный государственный аппарат, в котором важное место принадлежало вооруженным силам. Переход к политической раздробленности отразился на их организации. Возросла роль феодальных дружин и городовых полков. Во время войны княжеская дружина состояла из военных слуг (дворян), в нее входили и служилые бояре со своими отрядами. В среднем княжеская дружина насчитывала несколько сот конных воинов. Основную часть войска в военное время по-прежнему составляли пешие народные ополчения, достигавшие в отдельных княжествах 10—30 тыс. человек. Владимиро-суздальские князья отправляли против немецких рыцарей в Прибалтику 20-тысячное войско, Новгород — 15—20-тысячное ополчение; Киев потерял в битве против татар при Калке около 10 тыс. воинов. Большие битвы не мыслились без участия в них народа.

Сложилась военно-территориальная организация, в которой весьма важную роль играли городские полки. Развивались и способы ведения военных действий. Появился

² Подробнее см. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси. «История СССР», 1967, № 3.

«полчный ряд» (составлявший «чело» — передний отряд и два крыла в одну линию), затем к трем составным частям боевого построения войска добавился сторожевой полк. Русские войска умело применяли охват противника с флангов в виде клещей. Русское оружие было весьма разнообразно: меч, сабля, копье, лук со стрелами, боевой топорик, нож, булава, кинжал, шлем, кольчатые и пластинчатые доспехи, щит. Основным оружием дружинника был меч, массовым оружием ополчения — копье и топор³.

Получили в канун XIII в. более широкое распространение осадные и метательные орудия (пороки, пращи, тараны, самострелы); русские войска с успехом применяли их при обороне и осаде городов. Сами по себе города, как замки и монастыри, были опорными военными пунктами; некоторые из них, например, Новгород, Псков, Холм, имели и стратегическое значение. Возводились и совершенствовались мощные городские укрепления: каменные башни, дубовые стены, земляные валы, рвы, наполненные водой, подъемные мосты, прочные ворота и т. п.⁴.

Русский флот состоял из ладей, которые плавали по Черному, Каспийскому, Балтийскому морям и по рекам, их соединяющим. Эти ладьи ходили до шведского города Сигтуны, немецкого Любека, греческого Константинополя. Порой они служили и средством передвижения сухопутных сил. В княжествах насчитывались многие сотни ладей⁵.

Если бы можно было соединить воедино полки всех русских князей, то набралось бы более 100 тыс. воинов. Такому войску не был бы страшен любой враг. Но беда заключалась в разобщенности сил: в разные стороны смотрели боевые стяги князей. Это сказывалось и на международном положении Руси. В период феодальной раздробленности Древнерусское государство оставалось этнически неоднородным. Территориально, экономически и политически преобладавшей его частью была собственно Русь. В ней на единой основе древнерусской народности стали складываться предпосылки формирования братских народностей — великорусской, украинской и белорусской.

Свыше 20 неславянских народов окружали Русь и находились в зависимости от правителей отдельных княжеств. И здесь на рубеже XIII в. произошли перемены⁶. Новгородские и владими́ро-суздальские феодалы еще сохраняли господство над землями эстонцев и латышей, но в устье Двины уже появились первые отряды немецких рыцарей и начали истребительные походы в глубь Прибалтики. Литва, где возникло самостоятельное княжество, вышла из-под власти полоцких князей, оттеснив их за Двину. Князья и бояре продолжали собирать дань мехами и деньгами с населения Финляндии, Карелии, с народов Севера (ненцы, коми, югра), но королевские правительства Швеции и Норвегии уже начали вторжение во владения финнов и саамов. В Поволжье окрепло мусульманское Болгарское государство; заметно ослабили позиции владими́ро-суздальских князей в землях мордвы, мари и буртасов. Половцы, заняв Северное Причерноморье, постоянными опустошительными набегами разоряли русские земли от Переяславщины до Галичины, уводили в плен и продавали в рабство местное население. Они затрудняли торговые и политические связи Руси с Причерноморьем и странами Кавказа, Средней Азии, Востока. Это привело к утрате русских владений на Северном Кавказе, к потере Таманского полуострова и части Крыма, захваченных Византией. На юго-западе Карпатская Русь попала под власть Венгрии. Таковы исторические условия, в которых Русской земле, русскому народу пришлось сражаться за свою независимость.

Народы Восточной Прибалтики и Русь

История прибалтийских земель искони связана с историческим прошлым Руси. Эта связь помогает понять освободительную борьбу против иноземных захватчиков, которую совместно вели народы Прибалтики и Руси. Юго-Восточное побережье Балтийского моря от Нижней Вислы до Финского залива было заселено пруссами, литовцами (аукштайтами, жемайтами), эстонцами (чудью), латышами (латгалами, земгалами, куршами, селами) и ливами.

Здесь было развито пашенное земледелие. Основными орудиями труда служили соха, легкий плуг, борона, серп, коса, топор. В качестве рабочего скота использовались лошади и волю. Крестьяне сеяли рожь, овес, пшеницу, ячмень, чечевицу, бобы, горох; были известны и технические культуры — лен, конопля. Имелось молочное скотоводство. Были развиты некоторые ремесла, например, гончарное, кожевенное, железодельное, работы по дереву, а также производство ткани и пряжи. Народы Прибалтики вели торговлю, особенно интенсивную — по морю. Земгалы строили много

³ В. И. Довженко. Вісковка справа в Київській Русі. Київ. 1950.

⁴ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 52, 1956; его же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961; его же. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л. 1967.

⁵ В. В. Мавродин. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI века. «Вопросы истории», 1954, № 8; его же. Русское мореходство на Южных морях. Симферополь. 1955.

⁶ «Древнерусское государство и его международное значение». М. 1965, стр. 116.

судов; внушительный флот имели курши и жители острова Сааремаа, которые выводили в море до трехсот судов. Эстонское судно вмещало 30 человек. Возникли города, являвшиеся центрами ремесла и торговли, такие, как эстонский город Линданиса, на месте которого вырос Таллин, Гарту, Отепяя, Земгальская гавань — предшественница Риги, Талава, Атзеле, Ерсике и др.

Уровень общественного развития народов Восточной Прибалтики был различен, но все эти народы на рубеже XIII в. уже вступили в период феодализма. Для поддержания господства над крестьянством и для защиты своих богатств от внешних врагов знать создавала военные дружины. У отдельных князей, владевших замками и селами, дружины достигали тысячи воинов. Крестьяне жили сельскими общинами, значительные группы которых составляли территориально-политические единицы (земли — области); верховная власть в таких областях фактически находилась в руках советов старейшин, состоявших из числа знатных. Феодальные отношения несколько быстрее развивались в Литве, Восточной Латвии и Эстонии, меньше подвергавшихся грабительским набегам скандинавов и теснее связанных с соседней Русью.

На эстонской и латвийской территориях к тому времени еще не сложились условия для объединения всех земель, принадлежавших знати, дружинникам и свободным общинам, под властью более сильного представителя крупных землевладельцев — князя. В Литве же страной управляла группа князей во главе со «старейшими», наиболее богатыми и знатными. К середине XIII в. здесь образовалось раннефеодальное государство.

Население восточноприбалтийских земель придерживалось еще языческих верований. Замечательными памятниками культуры являются эстонский эпос «Калевипоэг», литовские и латвийские исторические песни и сказки. Герой эпоса Калев-сын, встав во главе народа, остается тружеником:

«Он за плуг старинный взялся,
Чтя работы полевые.
Меч он на бедро привесил,
Чтоб не ведал мирный пахарь
Злой военной непогоды,
Облаков вражды кровавой».

Картины крестьянского труда — основы благосостояния народа — лучшие в эпосе. Эпос восхваляет и труд ремесленника — «дивного мастера» Илмарине, одного из карело-финских эпических героев «Калевалы»; воспевается в нем и труд градостроителя. Калев-сын строит для народа города, притом тес для стройки приобретает на Руси:

«Калев-сын неоцененный
Вывез кладь свою из Пскова:
Гору купленных им досок,
Чтоб из них постронть город,
Крепость прочную — для старых,
Кровлю мирную — для слабых,
Для сестриц — приветный терем».

Эпос зовет народ к единству, «иначе — при разномудье — прахом ветры нас развеют», он осуждает распри, которые сеют «злыдни»; народ — против войны, за мир и труд, не случайно в эпосе даже меч — это «сошник военный»⁷. В то же время эпос славит борьбу народа за независимость.

Труду крестьянина-пахаря посвящено немало латвийских песен. Они говорят и о связях латышей с Русью, Литвой, пруссами Польского Поморья:

«Русскому я даю свою сестрицу,
А сам себе беру литвинку;
Хожу к русским, хожу я к литовцам,
Везде мне зятя-родня»⁸.

Исторические судьбы Руси издавна были связаны с судьбами народов Восточной Прибалтики. По сведениям летописцев, еще в IX в. эсты совместно с новгородскими словенами и кривичами отражали набеги норманнов. Автор знаменитого русского летописного свода начала XII в. «Повести временных лет» знал, что отношения Руси с прибалтийскими народами сложились давно; они продолжали существовать и в его время. Среди народов, «иже дань дают Руси», он упоминал и литовцев, и эстонцев, и латышей, и финнов (емь).

Разнообразные источники свидетельствуют о тесных отношениях Руси с Литвой. Археологи имеют возможность говорить о наличии значительных славянских элементов в литовской материальной культуре, литовская денежная система была подобна русской, литовские народные сказки обнаруживают большую близость с древнерусскими.

⁷ «Калевипоэг». Эстонский народный эпос. Собрал и обработал Ф. Крэйцвальд. Таллин. 1950, стр. 127, 186, 165, 263, 148—149, 169, 205, 229.

⁸ «Памятники латышского народного творчества». Вильно. 1868, стр. 294.

Летописи упоминают о походах киевских князей в X — начале XII в. в литовские земли. Русские былины знают «хоробрую Литву» того времени. Илья Муромец с гордостью говорит:

«Жил я в хороброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира...»⁹.

В пору расчленения Древнерусского государства на землях между Неманом и Западной Двиной (Даугавой) начало складываться самостоятельное Литовское княжество, а литовские войска стали угрожать Полоцку, Пинску, Берестью. Если в XII в. полоцкие и минские князья еще не раз использовали литовские войска в усобицах на Руси, то в дальнейшем такие факты уже не наблюдаются. «Слово о полку Игореве» отметило утрату полоцкими князьями былых позиций в Литве: «...И Двина бодотом течет оным грозным полочаном». Один из полоцких князей было «пзвони своими острыми мечи о шеломы литовския», но «сам по чрылеными щиты на кроваве траве при-трепан литовскими мечи»¹⁰. Лишь часть Литовской земли (область ятвягов) некоторое время оставалась под властью галицко-волинских князей.

Иначе сложились отношения Руси с другими народами Восточной Прибалтики. Киевские князья освоили эти земли прочнее, чем литовские; здесь имелись русские крепости и погосты, а население было обложено регулярной податью. Отношения с эстами у Руси установились очень давно. Из летописи узнаем, что эсты признавали власть первых древнерусских князей и в качестве подданных принимали участие в походах Олега; эстонские дружинники были, видимо, в числе послов Руси, заключавших при Игоре мир с Византией (944 г.); и позднее выходцы из эстов служили в дружине киевских великих князей. Эта практика сохранялась долго: воеводой волынского князя Мстислава Даниловича (90-е годы XIII в.) был чудин. В 1030 г. князь Ярослав Мудрый основал город Юрьев (Тарту). Этот город стал главным центром управления земель эстов, здесь находился русский гарнизон и жили дружинники, владевшие селами близ города. Освоение этих земель продолжалось и позднее. После установления самостоятельности Новгородской феодальной республики (30-е годы XII в.) отношения с землей эстов перешли, видимо, целиком в ведение новгородского боярства. Кроме гарнизонов в городах и погостов, в Эстонии имелись и другие атрибуты русской феодальной государственности: туда ссылали политических деятелей, негодных новгородскому боярству. Древние связи Руси с землей эстов нашли отклик и в наших былинах. В былине о Соловье Будимировиче говорится:

«Матушка, Нева широко прошла;
Устьем выпадала в сине море по Вирянское»¹¹.

Упоминается в былине и город «Леденец» — Линданисе, в «Вирянской» земле (в Вирумаа). Согласно другой былине, богатырь Самсон Кольванов являлся названным братом русского богатыря Ильи¹². Влияние русской культуры в Прибалтике было значительным, оно охватывало и остров Готланд.

Вторжение немецких крестоносцев на землю эстов, захват ими лучших угодий, превращение эстонского крестьянства в лично зависимое от немецких светских и духовных феодалов, массовое истребление коренного населения во время неоднократных походов немецких колонизаторов — все это привело к повсеместному восстанию эстов, искавших помощи у Руси. Эстонский народ героически сражался с немецкими крестоносцами, заставил их дорого заплатить за захват Эстонской земли.

Отношения Руси с ливами и латгалами слабее освещены в наших летописях, но сообщения иностранных хроник отчасти восполняют этот пробел. В договоре 944 г. упомянут киевский дружинник из «Либн», то есть из ливов. Русский летописец начала XII в. среди народов, плативших дань киевским князьям, также называет «Либь». Преемниками власти киевских князей над землей ливов явились полоцкие князья. Об этом свидетельствует и хронист Арнольд Любекский: «Король России из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов»¹³, — писал он. Полоцкие князья использовали ливские вооруженные силы во время феодальных войн. Не случайно агент папской курии монах Мейнард спрашивал (около 1184 г.) у полоцкого князя Владимира, «которому ливы, еще язычники, платили дань», разрешение на ведение проповеди в их земле¹⁴. Из немецкой «Рифмованной хроники» мы узнаем, что

⁹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Т. I, № 5. М. 1909, стр. 31.

¹⁰ «Слово о полку Игореве», стр. 24.

¹¹ Э. А. Вольтер. Что такое Линданиса. «Известия» Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. V, кн. 4. 1900, стр. 1326.

¹² «Былины». Т. I. М. 1916, стр. 406.

¹³ Monumenta Germaniae Historica, Scriptores (далее — MGH SS). Т. XXI, p. 212.

¹⁴ Генрих. Хроника Ливонии (далее — ГЛ). М.-Л. 1938, I, 3; ср., XI, 7; XII, 1 и др. Хроника Генриха, человека, близкого рижскому епископу Альберту, содержит немало ценных, хотя и пристрастных, сведений по истории Восточной Прибалтики первой четверти XIII века.

земли ливов, латгалов и селов были подвластны Руси¹⁵. Это и понятно, так как издавна бассейн Двины от Земгальской гавани в устье реки Земгальская Аа до уездов (место причала и выгрузки судов) в Полоцке и Витебске находился под контролем Руси.

Немецкое вторжение прервало давние русско-ливские отношения, а земля ливов стала ядром немецкой феодальной колонии. Киевский книжник начала XII в. упоминает и земгалов в числе народов, плативших дань Руси. Земгалы жили к западу от Двины, южнее земли ливов. Гораздо более известно нам об отношениях Руси с собственно Латгалией (по русской летописи — Лотыголой), расположенной к северо-востоку от Двины и граничившей на севере с землей эстов, а на северо-востоке — с Русью. В Южной Латгалии находились две крупные, подвластные русским крепости: Кокнесе-на-Двине (выше Айзраукле) охраняла двинский путь; замок Ерсике, воздвигнутый выше по Двине, был крупным городом с несколькими церквями. Сидевшие в этих крепостях князья зависели от Полоцка, который управлял Южной Латгалией и собирал там дань. Что касается северной части Латгалии, области Талавы, лежавшей у границ земли эстов, то ею управляли власти Пскова. Часть Северной Латгалии (в районе Атзеле) была подчинена Новгороду.

Давние отношения существовали у Руси с карельскими и финскими землями. Карелы населяли области на западном берегу Ладожского озера и частично к востоку от него, юго-западная граница их земель шла по побережью Финского залива от Выборга до устья Невы. С запада соседом карел была финская ема; к северу их владения граничили с землей саамов. Пашенное и подсечное земледелие, различные ремесла, развитые пушной и рыбный промыслы, торговые связи с Русью, Прибалтикой, финнами характеризуют экономику Карелии. Карелы, как и народы Восточной Прибалтики, находились на стадии формирования феодальных отношений. Многие черты хозяйства и быта этой земли получили отражение в замечательном памятнике карело-финского народа — эпосе «Калевала». Герои эпоса — простые люди, труженики. Это мудрый песнопевец и мастер на все руки Вяйнямйнен, который пашет поля и собирает обильный урожай:

«Вышел старый Вяйнямйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился.
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле».

Вот искусный Илмаринен: «он — кузнец, и первый в мире, первый мастер он в искусстве». Илмаринен выковал для народа чудесную мельницу-самомолку Сампо. В кузнице Илмаринена

«Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто...»¹⁶.

И третий герой эпоса — веселый и храбрый Лемминкяйнен, тоже простой человек; он пашет, ловит рыбу, пашет скот. В эпосе воспета борьба народа за свое счастье, против темных сил «страны мрака». Карельская земля (особенно Северо-Западное Приладожье) истари была связана с Русью. После образования Новгородской республики карелы платили ей дань (это видно из дополнений к новгородскому уставу 1137 г.) и принимали участие в походах новгородских войск. В Карельской земле имелись сильные опорные пункты русской власти — Олонек, Корела и др.

До середины XII в. Новгородская республика занимала господствующее положение в Восточной Прибалтике, контролируя, в частности, и Финский залив, так как по обеим его сторонам лежали подвластные Новгороду эстонские и карело-финские земли. Ема — этническое ядро, из которого образовался финский народ, занимала преобладающую часть территории нынешней Финляндии, побережье Финского залива от района города Хельсинки до реки Кюммене и большую часть внутренней территории страны. Сумь, населявшая юго-западное побережье Финляндии от полуострова Ханко до реки Кумо, не была подчинена Новгороду. Зависимость еми от Киевской Руси установилась еще при первых князьях: в договоре Игоря с Византией 944 г. с русской стороны был упомянут Петр Яминдов, дружинник из земли еми; в «Повести временных лет» среди народов, плативших дань Руси, также упомянута ема. Около середины XII в. управление землей еми перешло к новгородскому боярству. Новгородские данщики собирали с еми дань, что предполагает существование здесь администрации и погостов. В начале XIII в. часть местной социальной верхушки, владевшая пахотной землей, была связана с новгородским боярством и, приняв православие, даже вошла в его состав. Например, упомянутый в летописи Семен Емин оказался избранным в

¹⁵ «Livländische Reimchronik» (далее — LR). Ed. L. Meyer. Paderborn. 1876. S. 15. v. 645—646.

¹⁶ «Калевала». Карело-финский эпос. М. 1949, стр. 20, 69, 81.

1218 г. в новгородские тысяцкие. Такие факты, видимо, типичны для новгородской системы управления: как свидетельствует источник, на южном берегу Финского залива в земле ижорян жил старейшина Пелгуй, который, приняв православие, ведал языческой землей; здесь имелся и новгородский чиновник — тиун; землей води, расположенной к западу от ижорян, новгородские бояре, по-видимому, управляли из погоста, позднее — крепости Копорья.

Отношения Новгородской республики и карел с финскими землями значительно усложнились в связи с развертыванием шведской крестоносной агрессии. Шведское правительство начало пиратские действия на воде и вторжения с суши. Так, в 1142 г. шведская флотилия из 60 судов (шнек) совершила нападение на три новгородских торговых корабля, закончившееся для шведов неудачей, причем новгородцы захватили три судна и убили около 150 корабельщиков¹⁷. Несколько позднее шведские феодалы стали вторгаться в землю финнов. В 1157 г. король Эрик IX Эдвардсон («Святой») организовал крестовый поход, в котором участвовал и упсальский епископ Генрих, родом из Англии. Этот поход ясно обнаружил, что несли шведские крестоносцы покоряемым народам. Переправившись через Ботнический залив, королевское войско высадилось на берег в устье реки Аурайоки, в земле суми, в районе нынешнего Або. Эрик IX предложил финнам креститься. Встретив отказ, шведские феодалы вооруженной рукой покорили землю суми. Здесь были построены замки и укрепления, в которых поставлены шведские гарнизоны. Вводилось христианство. Население было обложено данью и церковной десятиной. Финны отвечали восстаниями и уничтожали своих угнетателей. В 1158 г. они убили епископа Генриха; последующих двух епископов постигла та же участь. Это дало повод папе Иннокентию III, который много сделал для активизации католической агрессии в Финляндии, заметить с горечью, что епископы в страну финнов посылаются «не столько для почетной кафедры, сколько для мученического венца»¹⁸. Разумеется, шведские феодалы могли удерживать власть над сумью, только получая непрерывную помощь из Швеции.

Одновременно шведские крестоносцы стремились расширить завоеванную территорию и, в частности, завладеть Ладогой. В 1164 г. шведские войска внезапно появились перед этой крепостью на 55 шнеках и, высадившись, стали разорять ладожский посад. Ладожане во главе с посадником Нежагой укрылись в крепости. Враги четыре дня безуспешно штурмовали Ладогу, а на пятый, понеся большие потери, отступили к реке Воронай. Подошедшее новгородское войско разбило шведов наголову и уничтожило 43 шнеки. Остатки шведских войск бежали на 12 судах¹⁹. Насколько непрочными были шведские позиции в земле финнов, видно из буллы римского папы Александра III, адресованной главе шведской церкви упсальскому архиепископу и подчиненным ему епископам, а также ярлу (князю) Гутторму: «Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу о том, что финны всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят [прислать] проповедников и наставников христианского закона, но когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко преследуют проповедников»²⁰.

В 1187 г. состоялся ответный поход карел на Сигтуну — самый сильный и богатый город Швеции, в котором одновременно правили 4 бургомистра и обойти который по валам можно было не менее чем за 6 часов. Русские и карелы хорошо знали путь в этот город; здесь находился русский торговый двор с каменной церковью. Карельские войска на судах проникли в озеро Мелар и 12 августа заняли и разрушили укрепленный город. Победители с большими трофеями, включавшими, по-видимому, и знаменитые «Сигтунские врата» (находящиеся ныне в новгородском храме Софии), возвратились на родину²¹. С той поры Сигтуна утратила свое значение. В 1252 г. ярл Биргер, чтобы защитить вход в озеро Мелар, построил здесь новый город — Стокгольм. Однако и после этого печального урока шведские власти не оставляли в покое подвластные Новгородской республике земли финнов, следствием чего и были русские походы на шведские феодальные колонии в земле суми. Например, в 1198 г. новгородское войско нанесло удар по шведским опорным пунктам в земле суми и заняло замок Або. Русско-шведские отношения нормализовались в 1201 г. после того, как варяжские послы прибыли в Новгород «на мир», то есть для ведения переговоров. Новгород возобновил с ними договор «на всей воли своей»²².

Таковы были отношения Руси с народами Восточной Прибалтики, Карелии и Финляндии на рубеже XIII века. Эти народы с глубокой древности были связаны с Русью — вначале с Древнерусским государством, а после его раздробления — с крупнейшими

¹⁷ «Новгородская первая летопись» (далее — НПЛ). М. 1951, стр. 26.

¹⁸ «Diplomatarium Suecanum». Т. I. Stockholm. 1829, № 136 (1209 г.); см. И. П. Шаскольский. Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 106.

¹⁹ НПЛ, стр. 31.

²⁰ «Finland Medeltidsurkunder» (далее — FM). Т. I. Ed. R. Hansen. Helsingfors. 1910, № 24; И. П. Шаскольский. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. «Известия» Карело-Финского филиала АН СССР, 1951, № 2, стр. 9.

²¹ И. П. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г. «Исторические записки». Т. 29. 1949.

²² НПЛ, стр. 45.

центрами Новгородско-Псковской, Галицко-Волынской и Полоцко-Минской земель. В подвластных Руси неславянских землях фактически сохранились раннефеодальные формы управления. Тесные связи с Русью способствовали распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряли формирование новых социально-экономических отношений. О трудовом общении русского и прибалтийских народов свидетельствует сходство некоторых видов археологического материала. Это особенно ярко проявилось в истории Литовского государства, где налицо значительное влияние русских социально-экономических и культурных элементов. Прогрессивное русское воздействие отразилось и в словаре этих народов, издавна усвоивших много русских слов, связанных с трудом крестьян и ремесленников («ратай», «овес», «жернов» и др.), городским бытом и торговлей («торг», «пуд», «цена» и др.), письменностью («грамота» и др.).

Литовцы, эстонцы, латыши, карелы и финны шли по пути формирования самостоятельных народностей; связи с Русью способствовали их этническому развитию. Попав затем под иго иноземных захватчиков, эстонцы, латыши и финны устояли, несмотря на многовековой феодально-колониальный гнет и жестокую ассимиляцию.

Вторжение крестоносцев в Прибалтику

Вторжение немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику являлось лишь этапом их «наступления на Восток», предусматривавшего захват немецкими светскими и духовными феодалами славянских земель. В X—XII вв. немецкие правители предпринимали завоевательные походы на заальбских славян, которые населяли южное побережье Балтийского моря, а также прибрежные острова между Эльбой (Лабой) и ее притоком Салой, с одной стороны, и нижним течением Вислы — с другой. На юге и востоке земли поморских славян соприкасались с Чехией и Польней. Славяне храбро защищались, и немецкое войско неоднократно терпело поражения. Чтобы добиться своего, немецкие правители наряду с оружием широко применяли подкуп местной знати и обман коренного населения, корыстно используя междоусобицы славянских князей. Завоевание славянских земель проводилось жестоко и методично, ставило своей целью полное истребление славян. Заливая кровью славянские земли, немецкие феодалы, продвигаясь к Висле, столкнулись с Поморским польским княжеством.

В конце XII в. немецкие князья, не оставив замысла овладеть землями между Вислой и Неманом, решили создать второй очаг наступления — на Двине. Здесь они намеревались захватить земли эстонцев, латышей и литовцев и русские земли к востоку от реки Наровы. Вторжение в Прибалтику, а затем на Русь, в Польшу и Литву немецкие крестоносцы осуществили тогда, когда борьба их бывших союзников крестоносцев-французов и др. в Передней Азии была еще в самом разгаре. Крестоносцы двинулись в Прибалтику после того, как египетский султан Салах-ад-дин, соединив силы Египта, Сирии и части Месопотамии, разгромил рыцарей близ Хиттина и изгнал их из Бейрута, Иерусалима (1187 г.) и других городов. Действия крестоносцев и на Средиземноморском побережье и в Балтийском приморье направляла папская курия, представлявшая могущественную реакционную силу средневековой Европы. В XIII в. курия собирала с народов Европы на крестовые походы в среднем до 1 млн. фунтов стерлингов в год, которые расходовались на борьбу против арабов и народов Прибалтики. Курия отлично понимала взаимосвязь двух направлений крестовых походов. Крестоносцы, вторгшиеся в Прибалтику, сумели обеспечить себе достаточно широкий приток людских подкреплений и средств из других стран в немалой степени потому, что крестовый поход в Прибалтику, на Русь и Литву был официально приравнен курией к походу на арабов. Его участникам тоже отпусались все грехи и предоставлялись льготы. Организация крестовых походов в новом направлении и отпор им со стороны народов Прибалтики, Литвы и Руси отвлекали значительную часть сил курии от Передней Азии. В свою очередь, сопротивление арабских народов захватчикам сдерживало их натиск в Прибалтике.

Немецкие купцы еще в XII в. торговали в низовьях Двины, в земле ливов (по их имени всю территорию до Эстонии немцы позже стали называть Ливонией). Однако это проникновение немецких купцов в Ливонию не было систематическим. Германская империя хотя и враждовала с курией, но в прибалтийском вопросе их интересы совпадали. Политические цели германских императоров и папской курии требовали создания здесь постоянных феодальных колоний для контроля над балтийской торговлей и активного давления на Швецию, Норвегию, Данию и Польшу, а главное, для наступления на Русь, чтобы обеспечить алчное немецкое дворянство новыми землями, а католическую церковь — источниками богатых доходов. Момент для вторжения был выбран подходящий, ибо князья и бояре Верхней Руси не были едины в прибалтийской политике. Эстония и Латвия находились в даннической зависимости от Новгорода, Пскова и Полоцка, которые, в свою очередь, в свою очередь, были объектом борьбы между владими́ро-суздальскими и смоленскими князьями.

Начало вторжению в Прибалтику положил давний центр немецкой восточной экспансии г. Бремен (с 1053 г. — архиепископство). Предварительная разведка была возложена на монахов-миссионеров. Гартвик II, архиепископ Бремена, послал в землю ливов монаха Мейнарда. Пробыв около 1184 г. вместе с немецкими купцами в устье Двины, он обосновался в селении ливов Икшкиле. Хотя католические проповеди этого

монаха не имели успеха у ливов, Гартвик поспешно учредить новое ливонское епископство и поставил во главе его Мейнарда. Но христианизация местного населения продвигалась крайне медленно. Ливы едва не принесли в жертву своим богам помощника Мейнарда — Теодориха, а самого Мейнарда не отпускали из своей земли, справедливо опасаясь, «что потом придет христианское войско»²³. Этот монах сумел, однако, послать извещенные папской курии, и папа Целестин III (1191—1198 гг.) провозгласил крестовый поход для насильственного обращения ливов в христианство, для ограбления и захвата их земель; при этом папа дал отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, пойдет для восстановления первой церкви в Ливонии».

Крестовый поход состоялся зимой 1198 г. при участии преемника Мейнарда — Бертольда, который с немецким войском высадился в районе селений Икшкиле и Гольме. Ливы оказали сопротивление пришельцам, Бертольд был убит. Однако крестоносцы огнем и мечом принудили ливов к миру, заставили их дать обещание креститься, оставить у себя монахов и выделить им содержание, составлявшее меру зерна с «плуга» (то есть с участка земли, вспахиваемого одним плугом). Но по уходе немецких войск ливы отвергли условия насильственного мира и изгнали монахов. В эти же годы датские и шведские феодалы нападали на землю эстов.

Тем временем Альберт Буксгевден, назначенный ливонским епископом (1199 г.), подготавливал окончательный захват Подвинья. Этот, по словам К. Маркса, «паршивый бременский каноник»²⁴ предполагал создать здесь церковное княжество по типу тогдашних прирейнских архиепископств (Майнцское, Кельнское, Трирское) в Германии. Заручившись поддержкой папы Иннокентия III, германского и датского королей, новый епископ и крестоносцы (немецкие феодалы и купцы) на 23 кораблях ворвались в 1200 г. в устье Двины. Разбив отряды ливов и захватив Земгальскую гавань, крестоносцы построили вместо нее крепость Ригу (1201 г.), поставив, таким образом, под свой контроль морскую торговлю подвинских земель.

Стараясь привлечь на свою сторону часть местной знати, епископ Альберт заключал с ней соглашения, а чтобы иметь постоянную военную силу, учредил в 1202 г. Орден рыцарей-меченосцев. Первоначально меченосцы подчинялись епископу, в 1207 г. они добились его согласия на уступку им трети всех завоеванных земель. Члены Ордена носили белые плащи с изображением красного меча и креста. Они делились на три разряда: «братья-рыцари», главным занятием которых была война, «братья-священники», составлявшие духовенство Ордена, и «служашие братья», выполнявшие обязанности оруженосцев, ремесленников. Во главе Ордена стоял магистр, избираемый из числа рыцарей. При магистре был совет из знатнейших рыцарей, решавший наиболее важные вопросы жизни Ордена. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных землях и подвластных им территориях, суд и управление сосредоточивались в руках командоров, или фогтов. Меченосцы вели грабительскую, кровопролитную войну против прибалтийских народов. Завоеванные земли Орден и епископ раздавали вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, обязанное содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных мероприятиях.

Особое положение в Прибалтике занимали вновь основанные крестоносцами города, в том числе и Рига — место пребывания епископа. Они взяли под свой контроль оживленные пути экономических связей и стали быстро расти и богатеть, паразитируя на посреднической торговле. Крупные города пользовались самоуправлением.

Несмотря на провозглашенную папской курией торговую блокаду Руси и почти непрерывные военные действия в Восточной Прибалтике, немецкие (особенно рижские) купцы искали экономических соглашений с Русью и прежде всего с Новгородом, Полоцком, Смоленском, которые имели для Северной Европы первостепенное экономическое значение, контролируя ее торговлю с Востоком.

Прибалтийские народы оказывали яростное сопротивление захватчикам, которым приходилось также считаться с мощью Руси и нарастающим сопротивлением Литвы. Полоцкий князь не имел достаточно сил, чтобы изгнать крестоносцев, не смог он и удержать главные опорные пункты в Латвийской земле — Кокнесе и Ерсике. Но полочане поддерживали ливов в их борьбе. Так, в помощь им был организован поход на Гольме, однако уничтожить немецкую крепость полочанам не удалось. Русско-латгальские войска князя Вячеслава, правившего в Кокнесе, нанесли рыцарям ряд ударов, но в 1207 г., не получив поддержки из Полоцка, они сожгли замок и ушли на Русь. На месте старой крепости был построен немецкий замок.

С первых же шагов крестоносцы в Прибалтике пользовались поддержкой папства, которая особенно усилилась после 1204 г., когда под мечами католических крестоносцев пала столица Византии — центр православной церкви Константинополь и на его развалинах возникла Латинская империя. 7 октября 1207 г. Иннокентий III писал из папской резиденции Витербо, обращаясь к русскому духовенству и народу, что так как «страна греков и их церкви почти полностью вернулись к признанию апостольского престола и подчиняются распоряжениям его, представляется заблуждением, что часть не соглашается с целым и что частное откололось от общего»²⁵. Однако русские

²³ ГЛ, I, 11.

²⁴ «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 341.

²⁵ *Historica Russiae Monumenta* (далее — HRM), Т. I, № 3.

князья хорошо представляли себе политические цели папства и потому решительно отвергали его домогательства.

Начало крестового похода на Русь и подвластные ей народы сопровождалось попытками дезорганизовать веками складывавшиеся торговые отношения Руси с другими странами Европы, осуществить блокаду славяно-балтийских земель. Эта идея была выдвинута папством и нашла выражение в серии булл, запрещавших католическим державам торговать с язычниками Прибалтики и Русью, в первую очередь такими товарами, как оружие, железо, соль. И эта затея папства потерпела неудачу. Захватчикам приходилось опасаться также литовцев, зачастую выступавших совместно с русскими. Отдельные литовские князья в поисках добычи (пленников, скота, ценностей) издавна совершали регулярные походы на Латгалию, доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов, и если прежде литовские князья сталкивались здесь с русскими, то теперь они вступали в борьбу с немецкими феодалами. Понятно, что русские князья стремились поддерживать мир с литовскими князьями. Русские войска из Ерсике совместно с литовцами совершали успешно набеги на немецкие укрепления в Латвийской земле, доходя до окрестностей Риги. Использовали литовцы в своих целях и главный замок в земле селов — Селпилс. Литовские отряды нападали на немецких рыцарей, нанося им немалый урон. Эти потери были настолько велики, что епископ Альберт чуть ли не ежегодно ездил в Германию набирать новое пополнение. Однако литовские набеги не остановили немецких захватчиков, которым в 1208 г. удалось занять Селпилс.

В следующем году, сосредоточив большие силы, ливонские рыцари неожиданным ударом овладели Ерсике, опустошив его. Немецкий хронист откровенно сообщает: «Тот день все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив все, приготовились к возвращению, а город подожгли»²⁶. Таким образом, немецкие феодалы закрепились на землях ливов, селов и южных латгалов. Угроза нависла над куршами и земгаллами, которые активнее включились в борьбу. Курши напали на немецкие корабли, а летом 1210 г. предприняли большой поход на Ригу.

Полоцкое княжество не имело сил в одиночку противостать вторжению крестоносцев. Немецкие рыцари, отправив посольство к князю Владимиру в Полоцк, дали обязательство выплачивать ему ливскую дань и склонили князя подписать «вечный мир». В своей политике Орден широко использовал не только междоусобную борьбу правителей прибалтийских народов, но и разобщенность отдельных русских князей. Подписывая мир, полоцкий князь не интересовался тем, какие последствия это может иметь для Новгорода и Пскова в Эстонии. А между тем крестоносцам важно было получить передышку на Двине, с тем чтобы укрепить свои позиции в земле эстов, куда они также стали проникать. «И рады были все, — писал немецкий хронист, — что теперь безопаснее могут воевать с эстами...»²⁷. Расширяя занятую территорию, немецкие феодалы проникли в землю северных латгалов и заложили здесь замок Венден (на месте древнего укрепления Цесис), создав тем самым постоянную угрозу не только Латгалии, но и землям Южной Эстонии. Замок стал главным центром ливонских крестоносцев. Разжигая разногласия между правителями ливов, латгалов и эстов, крестоносцы организовали нападение на землю эстов и приблизились к коренным русским землям.

Неустойчивость политических отношений в Новгороде, обострение борьбы новгородского боярства с владими́ро-суздальскими князьями, а также обособленность Пскова, Полоцка и Смоленска не могли не сказаться отрицательно на обороне подвластной Северо-Западной Руси прибалтийской территории.

Между тем меченосцы продолжали наступление, заняв в 1211 г. крепость Феллин (Вильянди), которую эстонцы самоотверженно защищали, и разорив область Саккала. Это вызвало выступление эстов всего побережья вплоть до Вирумаа (то есть Лянемаа, Линданисе, Сааремаа). Стремясь использовать ливов против эстов, крестоносцы пошли на уступки ливам, уменьшив им повинности. В следующем году немецкие рыцари доходили уже до реки Эмайыги и очутились в непосредственной близости от русских земель.

В 1212 г. состоялся новгородский контрпоход, в котором участвовали войска псковского и торопецкого князей, предводительствуемые Мстиславом Удалым. Объединенное войско насчитывало, по данным немецких источников, 15 тысяч. Русские полки прошли через Ярмаа, центральную часть Эстонии, к морю, до города Варбола. Однако вторжения немецких войск в страну эстов все учащались. В 1215 г. рыцари из Вендена напали на Уганди и Вайгу, «не щадя никого: мужского пола всех перебили, женщин и детей увели в плен и... весело возвратились домой со всей добычей»²⁸. Затем из Риги был предпринят поход крестоносцев на остров Сааремаа, население которого своей борьбой затрудняло агрессивные действия Ордена в Рижском заливе. К этому времени рыцарям удалось захватить эстонские земли Уганди, Саккала и Соонтага. Несколько укрепив свои позиции в земле эстов, епископ Альберт еще в 1212 г. добился прекращения выплаты дани, которую он «иногда платил за ливов» Полоцку.

²⁶ ГЛ, XIII, 4.

²⁷ ГЛ, XIV, 9.

²⁸ ГЛ, XIX, 3.

По условиям нового соглашения, князь Владимир утратил Нижнее Подвинье; лишь купцам оставался «открыт свободный путь по Двине»²⁹.

Продвижение крестоносцев в земли эстов наталкивалось на упорное сопротивление как эстов, так и Руси. В эти годы складывается русско-эстонский союз, направленный против немецких рыцарей. Эстонские князья и старейшины стали искать помощи на Руси и «послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время нанести войной ливов и латгалов [подчиненных рыцарями], а также [с помощью жителей Сааремаа] запретить гавань Даугавгриве. Князь Владимир, который, по словам немецкого хрониста, «всегда стремился разорить ливонскую церковь», одобрил предложение эстов. Он отправил послов на Русь и в Литву и созвал большое русско-ливонское войско. В 1216 г. подготавливался крупный поход, но в день выступления Владимир внезапно умер, и поход расстроился³⁰. Однако этот год примечателен началом оформления русско-эстонского оборонительного союза.

Русская политика в земле эстов активизировалась. В том же году псковские власти выступили в помощь эстам Уганди, завоеванным и крещенным Орденом. Крестоносцы же по уходе псковичей, в свою очередь, пришли под Отепя, соорудили здесь сильно укрепленный замок и поставили гарнизон. Тогда Новгород и Псков стали подготавливать крупное наступление с целью изгнать врага из Эстонии. Были отправлены русские послы «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов в Отепя». На этот призыв охотно откликнулись не только жители Сааремаа и Харьюмаа, но и жители Саккалы, «уже давно крещенные [немецкими властями], надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов...»³¹. Новгородско-псковские войска, поддержанные эстонскими отрядами, в том числе и с острова Сааремаа, в 1217 г. осадили город Отепя. Осада длилась 17 дней. На помощь осажденным ливонский магистр привел главное войско, которому удалось прорваться в город, понеся немалый урон. Однако приход подкреплений не спас рыцарей от поражения: «Из-за множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена и стали кони объедать хвосты друг у друга». На третий день немецкое войско спало и должно было оставить замок. Видимо, эта победа русско-эстонских сил восстановила русские права в земле эстов, и был подписан какой-то новгородско-немецкий договор, предусматривавший защиту и русских и эстонских интересов, так как епископ Альберт для его утверждения отправлял послов и в Новгород и в Саккалу.

Со стороны Руси и Эстонии этот договор был лишь шагом к новому наступлению на захватчиков. Зная это, епископ Альберт какими-то посулами пытался удержать Новгород от войны, но новгородские власти «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов...»³². Удар крестоносцам был нанесен сильный, потому что епископ Альберт срочно направился в Германию набирать пополнение. Тогда же «эсты отправили русским много даров, прося прийти с войском...». Новгородские послы сообщили, что помощь будет прислана. «И обрадовались эсты, и послали людей по всей Эстонии, и собрали весьма большое и сильное войско, и стали у Палы в Саккале». Возглавил эстов князь и старейшина земли Саккала прославленный воитель Лембиту. К нему стекались воины со всей Эстонии: из Харьюмаа, Вирумаа, земли Ярвамаа, Саккалы и других областей. Шеститысячное войско стояло в Саккале, близ Вильянди, ожидая прихода русских полков. Но магистр Волквин, собравший трехтысячное войско и принудивший к выступлению отряды ливов и латгалов, разбил эстов (в бою погиб Лембиту) и разорил область Саккала. Южная Эстония вновь попала под иго немецких феодалов³³.

Войско новгородского князя Всеволода Мстиславовича предприняло в помощь эстам большой поход на Венден, являвшийся форпостом крестоносцев в Восточной Эстонии. По немецким данным, в походе участвовали псковичи, а также эсты Харьюмаа, одновременно отряды с острова Сааремаа напали на владения немцев в устье Двины. На этот раз русское войско насчитывало 16 тыс. человек; оно разбило дозоры («сторожи») рыцарей и после двухнедельной осады Вендена возвратилось домой³⁴.

«Великая война русских и эстов против ливонцев», как ее называет хронист, разгоралась все сильнее и грозила смести крестоносцев. И тогда в 1219 г. по призыву епископа Альберта и с санкции папы Гонория III (1216—1227 гг.) в Северную Эстонию вторглись войска датского короля Вальдемара II (1202—1241 гг.), подкрепленные силами его рюанского (рюгенского) и поморского вассала Вацлава I. В королевском войске, числом около 1500 гребцов³⁵, находились лундский архиепископ Андрей, епископы Шлезвига, Роскильде и «эстландский» епископ Дитрих. Они захватили часть территории эстов и построили на месте древней крепости Линданисе свою, назвав ее Ревель. Датские короли давно стремились в Эстонию. С образованием архиепископ-

²⁹ ГЛ, XVI, 2.

³⁰ ГЛ, XIX, 10.

³¹ ГЛ, XX, 7.

³² ГЛ, XXI, 1.

³³ ГЛ, XXI, 2.

³⁴ НПЛ, стр. 59—60.

³⁵ MGH SS. T. XVI, p. 406.

ства в Лунде (1137 г.) усиливалось проникновение датских рыцарей и монахов в Восточную Прибалтику. Появился и местный «епископ Эстонии». Последовательные вооруженные вторжения в Финляндию (1190—1191 гг.) и Эстонию (1194, 1196, 1197 гг.) начались еще при короле Кнуде VI (1182—1202 гг.). Когда бременские монахи проникали в устье Двины, датские королевские пираты нападали на Эстонию, население которой отвечало набегами на датские владения. Эсты активно сопротивлялись вторжению датчан, среди убитых врагов были и папский агент, кандидат в эстонские епископы доминиканец Дитрих.

Вторжение датских феодалов серьезно ухудшало позиции русских в Эстонии, потому что, во-первых, датчане постоянно угрожали Северной Эстонии, во-вторых, во всех русских походах против немецких рыцарей датская крепость Ревель оставалась у них на фланге. В стране эстов датские феодалы вели себя не лучше немецких, они захватывали их земли, порабощали и крестили население. Тех, кто уже был крещен мечами, датские захватчики подвергали вторичному крещению, а тех, кто крестился у немцев после прихода датчан, вешали как государственных преступников. Разумеется, призыв к крещению язычников был лишь лозунгом, за которым скрывался неприкрытый грабеж, а принятие христианства имело в глазах завоевателей чисто политическое значение, как признание их власти. Датские феодалы в 1220 г. заняли всю северную часть Эстонии, включая области Хартума, Вирумаа и Ярвамаа, а несколько позднее и Ляанемаа.

Немецкие феодалы, продвигаясь по Восточной Прибалтике, стремились утвердиться и на латышских землях. Но здесь они также встретили мужественный отпор со стороны земгалов и куршей. Стараясь овладеть путями по рекам Лиелупе и Венте, немецкие власти использовали предательство части восточноземгальской знати и заняли в 1219 г. замок Межоте. Западные земгалы (из области Тервете) во главе с правителем Виестардом в союзе с куршами и литовцами и при поддержке жителей Восточной Земгалии изгнали рыцарей и освободили крепость. В начале 1220 г. большое немецкое войско двинулось в поход на Межоте и окружило крепость. Осада этой крепости продолжалась много дней; немцы применили осадную башню и стенобитные машины. Жители замка и крестьяне из окрестных деревень оказали врагу героическое сопротивление. Даже немецкий хронист вынужден был признать, что, хотя многие из земгалов оказались убитыми и ранеными камнями и стрелами, «упорные люди не прекращали сопротивления», отбивая приступы рыцарей. Однако силы были неравны; подрывный врагами крепостной вал рухнул, и замок пал³⁶. Среди крестоносцев не было единства. В частности, возник конфликт между немецкими рыцарями, находившимися в Риге, и датскими феодалами. Датский король запретил городу Любеку давать корабли для подвоза подкреплений в Ригу и тем самым блокировал город. В 1221 г. рижский епископ был вынужден признать власть Вальдемара над Эстонией и Ливонией. Это привело к усилению немецко-датского наступления.

К этому времени постепенно стало вновь крепнуть влияние владими́ро-суздальских князей в Верхней Руси, что сказалось на усилении и новгородских вооруженных сил. В 1221 г. владимирский князь Юрий Всеволодович отправил в Новгород своего брата Святослава, и тот начал новый поход на Венден: «Идоша новгородцы со Святославомъ ко Кеси (от латвийского — «Цесис»), и придоша Литва в помочь же; и много воеваша, но города не възъша»³⁷. Немецкий хронист сообщает, что русские повоевали не только венденский посад, но также немецкие владения в области Турайда, расположенной в непосредственной близости от Риги, где «приложили руку литовцы»³⁸. В том же году немецкие отряды совершили набег через эстонскую область Вирумаа за реку Нарову, на Ижору, подвластную Новгороду.

Наступал решающий этап борьбы. Это понимали Орден и его союзники, которые оказывали постоянную поддержку рыцарям и оружием и дипломатическими средствами. Папские и имперские пожалования сопутствуют епископу и Ордену в их захватнической войне. В 1222 г. германский император Фридрих II, поощряя Орден на новые завоевания, признал его «права» не только на земли Ливонии, но и за ее пределами. В 1223 г. датский король Вальдемар вернул епископу и Ордену «права» на Саккалу и Уганди, «с тем, однако, — пишет хронист Генрих, — чтобы они всегда были верны ему и не обижали его людям в помощи против русских и против язычников»³⁹.

В 20-х годах Эстонии вновь охватило восстание. Его начали жители острова Сааремаа, где датский король повелел соорудить замок. Сааремаасцы разрушили его и направили послов во все земли эстов с призывом «сбросить с себя иго датчан». Они «учили людей строить осадные машины... и прочие военные орудия»⁴⁰. Поднялись приморские области Ляанемаа, Гаррия, а также Саккала, Вирумаа, Ярвамаа и Уганди. «По всей Эстонии и Эзелю [Сааремаа] прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей, — признает немецкий хронист. — Русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на по-

³⁶ ГЛ, XXIII, 8.

³⁷ НПЛ, стр. 60—61.

³⁸ ГЛ, XXV, 3.

³⁹ «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch» (далее — LUB). Bd. I. Reval 1853, № 100.

⁴⁰ ГЛ, XXVI, 2.

мощь, закрепили мир с ними» и разместили одних в Дерпте (Юрьеве), некоторых в Феллине (Вильянди), «а других — в других замках, чтобы сражаться против тевтонов...». При этом эсты «разделили с ними [русскими] коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили». «И начались вновь войны на всем пространстве Эстонии»⁴¹. Русско-эстонские силы нападали на немецкие укрепления в землях Метсеполе, Турайда и других к северо-востоку от Риги. Крестоносцы, подтянув свежие силы из Германии, а также заставив идти в поход отряды ливов и латгалов, направились в землю эстов. Пользуясь техническим превосходством закованного в железо рыцарского войска, ливонцы разбили эстонское войско на реке Имере. Хотя «эсты сопротивлялись весьма храбро», им пришлось отступить и укрыться в Вильянди. Рыцари окружили эту крепость и осаждали ее в течение 15 дней, неся большие потери. Однако недостаток воды заставил осажденных прекратить сопротивление. Гарнизон крепости был беспощадно истреблен⁴².

События, происходившие в то время в Восточной Прибалтике, свидетельствовали о том, что Русь, несмотря на ее раздробленность, являлась единственной силой, которая могла положить предел натиску немецких крестоносцев. Не случайно народы, отражавшие удары рыцарей (литовцы, эстонцы, латыши), искали помощи Руси. Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в это время, когда она готовила наступление на немецких и датских феодалов, ей был нанесен серьезный удар с востока, со стороны татаро-монгольских захватчиков: в битве на Калке⁴³ 31 мая 1223 г. русские полки потерпели поражение, а это не могло не отразиться и на положении в Прибалтике. Объективно монголо-татары сыграли роль союзников крестоносцев в Прибалтике.

Перед крестовым походом на Русь

В Риге рассчитывали, что уничтожение монгольскими полчищами отборных русских войск позволит рыцарям продвинуться далее на восток. Положение Эстонии заметно ухудшилось, и тогда старейшины из Саккалы были посланы «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли [вновь] призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян»⁴⁴. Миссия удалась. Наиболее значительными силами в то время располагал владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович. Он пользовался влиянием и в Новгороде. Защита новгородских интересов в Прибалтике входила в круг его внешнеполитических задач. В 1223 г. он отправил в Прибалтику во главе с Ярославом Всеволодовичем свое войско, к которому присоединились новгородские и псковские полки. Немецкий хронист уточняет, что князь Ярослав из Руси пришел к Юрьеву, где жители поднесли ему «большие дары», прося помощи, и передали рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое. «И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Уганди и во всей Эстонии»⁴⁵. То же сделал он в Отепяя. Затем 20-тысячное русское войско вместе с отрядами эстов, собравшихся из разных частей страны, двинулось на Ревель. В течение месяца русско-эстонские войска осаждали эту крепость, но занять ее не удалось, и русские вернулись в свою землю. Этот наиболее крупный поход, организованный после битвы на Калке, вновь показал, что для успешной борьбы с немецко-датской агрессией требовалось объединение значительно больших сил.

В том же году новгородские власти и владими́ро-суздальский князь послали в Юрьев князя Вячеслава (который когда-то правил в Кокнесе), дав «ему денег и двести человек [лучников] с собой, поручив господство в Юрьеве и других областях...». Юрьевцы приняли его «с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов»⁴⁶. Князь Вячко (Вячеслав) управлял областями Уганди, Вайга, Вирумаа, Ярвамаа, Саккала, то есть большей частью Эстонии. Очевидно, были восстановлены давние русско-эстонские отношения. В 1224 г. немецкие феодалы предприняли большое наступление с целью сокрушить власть Новгорода над Эстонией и поработить ее. Походу предшествовала очередная поездка Альберта в Германию, откуда он, как всегда, прибыл «со многими пилигримами». Тогда же епископ вновь урегулировал споры с рыцарями о том, как делить завоеванные земли эстов. По новому соглашению треть земель поступала Альберту, треть — епископу Эстонии и треть — Ордену. Такого рода сделки совершались до походов.

Многочисленное немецкое войско магистра Волквина, подкрепленное отрядами подневольных ливов, разоряя Эстонию, наступало на Юрьев. Князю Вячко рыцари «предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел...», но русские воины не покинули союзников в беде. Началась осада Юрьева, который героически защищали плечом к плечу русские и эсты. Осаждавшие построили осадные машины, поставили поверх окружавшего крепость рва осадную башню и на-

⁴¹ ГЛ, XXVI, 11.

⁴² ГЛ, XXVII, 3.

⁴³ Подробнее см. В. В. Каргалов. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига «Вопросы истории», 1969, № 2.

⁴⁴ ГЛ, XXVII, 3; НПЛ, стр. 61.

⁴⁵ ГЛ, XXVII, 3.

⁴⁶ ГЛ, XXVII, 5.

чали вести подкоп. Когда вал над подкопом обрушивался, башню продвигали вперед, к стенам крепости. Русские и эсты из луков, баллист и метательных машин осыпали немецких захватчиков стрелами и камнями, нанося им большой урон. Крестоносцы, в свою очередь, метали на город камни, огненные горшки. Осажденные построили свои метательные машины против немецких орудий, «а против стрел христиан [немцев] направили своих лучников и баллистариев». И так бились много дней. Ливонцы не давали осажденным ни минуты отдыха. «Днем бились, ночью устраивали игры с криками... тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна». Когда немецкая башня приблизилась к крепостной стене, осажденные в замке «зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров»; немцы сбивали пламя и, в свою очередь, подожгли мост. Воспользовавшись тем, что «русские все сбегались к воротам для отпора», ливонцы бросились на крепостную стену, тесня оставшихся там эстов мечами и копьями. Так враг ворвался в Юрьев. Русские воины, оборонявшиеся дольше всего, были побеждены; они во главе с князем Вячко укрылись в детинце (центральное внутрикрепостное укрепление), где и пали в жестоком бою. Немецкие захватчики «тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого», как свидетельствует немецкий хронист. Город Юрьев был сожжен⁴⁷. Это был тяжелый удар по эстонско-русским силам.

В 1224 г. Новгород и Псков заключили мир с Ригой, по которому немецкая сторона подтвердила права русских на Латгалию («а подать, которую те собирали в Таллаве, возвратили им»). Как были урегулированы отношения в Эстонии, хронист не сообщает, но документы не оставляют сомнений в усиленном нажиме держав-агрессоров на Русь. Папская курия создала в том же году «Дерптское епископство», а новый епископ тотчас поспешил признать себя и вассалом германского императора Фридриха II, который тогда же взял под свою «защиту» всех «вновь обращенных» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии. В 1227 г. под руководством папского уполномоченного, легата Вильгельма Моденского крестоносцы организовали поход 20-тысячного войска из Риги и Готланда по льду на остров Сааремаа. Они взяли замки Линнусе (на острове Муху) и Валяяла (на острове Сааремаа), истребили сопротивлявшихся, а население островов принудили к крещению и обложили тяжелыми повинностями. В том же году датский король был разбит коалицией северогерманских князей при Борнховеде, и власть Ордена временно распространилась на его эстонские владения. Отношения с Русью еще более накалились. По возвращении легата из Ливонии папа Гонорий III тогда же обратился «ко всем королям Руссии», склоняя их прислать послов, подчиниться его власти и прекратить борьбу: «Твердо соблюдая мир с христианами Ливонии и Эстонии, не препятствуйте успехам веры христианской, чтобы не подвергнуться гневу божьему и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, покарать вас»⁴⁸. — предупредил папа.

Всем русским княжествам, их независимости, культуре угрожала смертельная опасность. На востоке монголо-татары готовили новый удар, с запада Русь теснили немецкие и датские крестоносцы, которых поддерживали Германия, Швеция и папская курия. В то же время на юго-западе страны, в Галицко-Волынской Руси, продолжалась напряженная борьба с постоянными вторжениями венгерских королей и польских князей, которые находили опору в галицкой боярской знати и стремились подчинить и поделить между собой галицко-волынские земли. Папская курия энергично поддерживала притязания венгерских королей и польских князей, желая взвалить новое ярмо на плечи русского народа, отнять у него земли, разорить его десятиной в пользу церкви, уничтожить самобытную культуру Руси, а русский язык насильственно заменить латинским. Папские агенты-доминиканцы проникали в причерноморские степи. Грозные годы переживала Русская земля. Положение осложнялось тем, что далеко не все князья и правители на Руси сознавали нависшую над родиной опасность. Это относится в первую очередь к боярским правителям Новгородской и Псковской республик, готовых ставить свои торговые интересы выше общерусских целей.

В 1226 г. по приглашению бояр князь Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, в третий раз занял новгородский стол. После успешных походов на Литву и в Финляндию князь привел свои полки из Переяславля и заявил боярскому совету: «Хочу идти на Ригу». Шатры княжеских полков раскинулись под Новгородом, а часть войск стала на постой в городе. Бояре же решили использовать поход для того, чтобы избавиться от энергичного князя. Тогда же их собратья в Пскове фактически порвали отношения с Ярославом и заключили в 1228 г. особый договор с Ригой. По его условиям Псков нарушил союз с новгородцами, обязывался не вмешиваться в немецко-новгородские войны и даже признавал крестоносцев в качестве союзников в случае нападения на него новгородцев; в знак гарантии договора были посланы немецкой стороне 40 заложников. Более того, когда Ярослав стал требовать участия Пскова в походе, местные власти пригласили к себе «союзный» отряд немецких рыцарей и их вассалов. Пытаясь оправдать эту измену, псковские бояре и купцы в специальной грамоте, присланной в Новгород, ссылались на неудачи предыдущих походов на Ревель,

⁴⁷ ГЛ. XXVIII, 5—6.

⁴⁸ HRM. Т. I, № 21.

Венден и Оденпэ и на то, что они не привели к миру, а Псковская земля и торговля вследствие этого терпели ущерб⁴⁹. Воспользовавшись отказом псковских бояр принять участие в походе на Ригу, новгородские правители заявили князю: «Мы без своих братьев, без псковичей, не пойдем на Ригу». Князь Ярослав долго убеждал бояр, но тщетно. Один он не решился выступить в поход и отправил свои полки домой. Был выведен из Пскова и иноземный гарнизон. Отсутствие твердой власти в Новгороде и Пскове и четкой военно-политической программы не только ослабили позиции Руси в прибалтийских землях, но и породили возможность для изменнических действий среди части боярства и купечества. Так распри псковских и новгородских боярских правителей с великокняжеской властью подрывали военно-политическую мощь Руси и пагубно отражались на решении прибалтийского вопроса.

В создавшихся условиях князь Ярослав покинул Новгород и уехал в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей — Федора и Александра, будущего великого князя. Тем самым Ярослав давал новгородским боярам возможность пересмотреть принятое ими решение. После отъезда князя новгородское боярство сумело лживыми посулами привлечь на свою сторону новгородскую бедноту. Оно возбудило эту «простую чадь» и разгромило княжеских сторонников. Княжеский ставленник — архиепископ был выгнан «в шию», а дворы тысяцкого, стольника при прежнем архиепископе и других сторонников князя разорены. К новому архиепископу были приставлены от горожан два сопровителя. Движение стихийно разрослось, приняло характер антибоярского восстания. И «бысть мятеж в городе велик», — заключает летописец.

Едва справившись с восстанием, поставив нового тысяцкого и подтвердив свою независимость от князя, бояре отправили к нему послов с предложением вернуться в Новгород «на всей воле» боярской. Но эти условия не устраивали князя, и он отозвал своих сыновей из Новгорода. Порвав с владимирским князем, бояре пригласили черниговского князя Михаила Всеволодовича, который прибыл в Новгород и принял власть «на всей воле новгородской». В связи с этими событиями летописец замечал, что все больше крестьян и бедноты бежало из пределов республики: «полни быша чужии гради и страны братье нашей и сестр». Князь, видя массовое бегство крестьянства и городской бедноты (результат правления новгородских бояр), был вынужден распорядиться, чтобы крестьяне, покинувшие пределы республики, в случае их возвращения освобождались на пять лет от дани в пользу бояр. С другой стороны, он вновь запретил крестьянам, которые остались на месте, отказываться от уплаты дани. Это сочетание вынужденных льгот с угрозами в отношении волновавшегося крестьянства, конечно, имело целью упрочить власть боярства. Был поставлен новый посадник, а также архиепископ.

Итак, за короткий срок вторично, на этот раз с помощью черниговского князя, новгородское боярство сделало попытку выйти из-под влияния владими́ро-суздальских князей. Но это ему не удалось: князь Ярослав имел значительные силы; он отрезал торговые пути Новгорода на Чернигов, Смоленск и в Суздальщину. Установленная суздальским князем торговая блокада, которая совпала во времени с неурожаем, не замедлила сказаться на политической жизни республики. Это активизировало сторонников Ярослава. Вскоре произошел переворот. Под руководством суздальского сторонника Степана Твердиславича городская и сельская беднота поднялась на разгром имений уже черниговской партии бояр. Были разорены двор и села посадника, тысяцкого и др. Черниговский наместник и его сторонники бежали. Новые посадник и тысяцкий поделили захваченное имущество своих противников между жителями по сотням, городским и сельским.

В четвертый раз в город был приглашен князь Ярослав. Тогда же и псковские бояре приняли княжеского наместника. Под угрозой выступления владими́ро-суздальского войска черниговский князь отказался от притязаний на Новгород. Уезжая в Переяславль, Ярослав вновь оставил в Новгороде своих сыновей. В городе свирепствовал голод: в тот год по всей Руси был неурожай. В Новгороде народ громил дома бояр и купцов, которые спекулировали зерном; «простая чадь» «почаша добрых людей дома зажитати, кде чююче рожь, и тако разграблявахуть имене их...»; голодные бедняки, доведенные до отчаяния, «резаху люди живыя и яляху». Страшные дни стояли в городе, когда «сусед суседу не уламляше хлеба», когда дети городской бедноты умирали с голоду и «бяхе туга и печаль, на улици скорбь друг с другом, дома тоска, зряче детей плачущи [прося] хлеба, а другая умирающая»⁵⁰. Бедняки продавали богатым купцам своих детей в рабство. В 1229 г. был заключен новый смоленско-немецкий договор, имевший силу также для Полоцка и Витебска. Этот договор — яркое свидетельство международного признания русской правовой мысли. Смоленская земля и союзные ей Полоцк и Витебск сохранили равноправную торговлю с Ригой, Любеком и другими немецкими городами. Видимо, тогда же и Новгород вступил в какое-то соглашение с Ригой, ибо в 1231 г. немецкие купцы подвезли морем в Новгород муку и зерно.

Но экономически ни Новгород, ни Псков не могли существовать в отрыве от суздальского сельскохозяйственного привоза, и потому в 1232 г. мы вновь видим Ярос-

⁴⁹ НПЛ, стр. 66.

⁵⁰ Там же, стр. 70—71.

лава Всеволодовича на новгородском столе. Он столкнулся с немалыми трудностями в своей попытке отстоять прибалтийские владения Руси. За время его отсутствия большая группа бояр, противников сближения с великими князьями владимирскими, вновь захватила власть в Пскове. Отдельные выступления против князя происходили в самом Новгороде. Князь Ярослав Всеволодович решительно блокировал торговлю Пскова, арестовав находившихся в Новгороде псковичей (в первую голову бояр и купцов) и принудил псковские власти принять княжеского наместника.

Характерно, что руководители враждебного князю новгородского и псковского боярства ушли за рубеж со своими дружинами. Пользуясь удобным моментом, немецкие рыцари начали нападения на собственно Русскую землю, на Изборск и Тесов. Требовались срочные контрмеры. Они и были приняты князем Ярославом Всеволодовичем. В 1234 г. он привел «множество своих полков» и, подкрепив их новгородскими силами, двинул в поход на Юрьев. Русское войско подошло к городу; немцы выступили из Юрьева и Отепяя. Столкнувшись с русскими дозорами, они сражались с ними до подхода основных русских сил. Русские опрокинули немецкое войско, убили «лучший немец [рыцарей] неколико», загнали остальных на лед реки Эмайыги и «ту обломившася [лед], истопе их много, а ини язвни [раненые] вобегоша» в Юрьев, а другие — в Отепяя. В результате похода крестоносцы «поклонившася» Ярославу Всеволодовичу, и он «взя с ними мир на всей Правде своей»⁶¹. Условий этого договора мы не знаем. Но Новгород и Псков продолжали собирать дань в Латгалии и части Эстонии. Эта победа имела еще одно последствие. Оправившийся от поражения при Борнховеде король Вальдемар II повел борьбу с Орденом за Эстонию: его корабли блокировали Любек — главный центр снабжения крестоносцев. Это был удар в спину, и по призыву Ордена папа Григорий IX (1227—1241 гг.) взял под свое покровительство корабли, готовившиеся отплыть из Любека в Ливонию. При участии Вильгельма Моденского датско-немецкий конфликт близился к урегулированию, которое было ускорено победой русских.

Ярослав Всеволодович находился в Новгороде до 1236 года. В этом году, уходя княжить в Киев, он «в Новгороде посади сына своего Александра». Александр Ярославович сделался князем-наместником в Новгороде. После битвы при Эмайыги рыцарей ожидал еще один удар. Они подчинили на побережье часть земель куршей и земгалов, в прошлом тесно связанных с Литвой. Крестоносцы понимали, что, пока Литва остается независимой, они не могут считать свои позиции здесь прочными. Поэтому немецкие феодалы начали готовить поход на Литву. В 1236 г. в Ригу прибыло много рыцарей. Литовский поход окончился, однако, полным поражением; под Шауляй немецкие захватчики были разбиты наголову. В этой битве нашли свой конец магистр Волквин, предводитель крестоносцев из Северной Германии Газельдорф и много других знатных рыцарей. Успеху боя способствовал переход приведенных рыцарями земгальских войск на сторону литовцев. Шауляйская битва — крупная веха в борьбе литовского народа за независимость. В результате этого поражения ливонцы оказались отброшены к западу от Двины, едва ли не к границам 1208 г., а литовский великий князь Миндовг (1236—1263 гг.) восстановил свое влияние в земле куршей и земгалов.

Битвы на р. Эмайыги и при Шауляй имели важные внешнеполитические последствия для Руси. Чтобы лучше понять их значение, посмотрим, что делалось в это время на Висле и в прусско-польском Поморье. В начале XIII в. возросла мощь Литвы и участились набеги дружин литовских князей, а также пруссов на соседние, польские земли — Хельминскую, Мазовецкую и Куявскую. Страдали от этих набегов владения мазовецкого князя Конрада, близкого союзника Волыни. С появлением крестоносцев мазовецкий князь попытался выйти из-под влияния волыньских князей и отказался от союза с ними. Тогда же, желая обезопасить свои владения от литовских набегов, Конрад допустил роковой политический просчет: он пригласил на помощь против Литвы и Руси немецких рыцарей Тевтонского ордена.

Этот духовно-рыцарский Орден был основан немцами в 1198 г. в Палестине, где они сражались против арабов в составе войска крестоносцев. Предвидя, однако, неудачный исход этой ближневосточной авантюры правителей феодальной Европы, немецкие рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент. Тевтоны обзавелись землями в Германии, Италии и других странах, а затем по приглашению венгерского короля Андрея II, при содействии папы Гонория III обосновались в Трансильвании (1211 г.), посулив королю нести охрану восточных границ от половцев. Проникновение тевтонов таило в себе угрозу безопасности не только Венгрии, но и молдавским землям и русским позициям в половецкой степи. Папская курия давно стремилась создать свои опорные пункты в Северном Причерноморье. Однако венгерский король, убедившись, что крестоносцев больше интересует венгерская земля, чем войны с кочевниками, отказался от услуг наемников и изгнал их в 1225 г. из страны. Вскоре после этого Конрад Мазовецкий обратился к магистру Герману, предлагая его Ордену поселиться на Висле и воевать против пруссов и Литвы с тем условием, что Ордену отойдут захваченные земли. Магистр ловко воспользовался удобным случаем: он добился утверждения «пожалования» империей и стал действовать на Нижней Висле на правах имперского князя. Папа Григорий IX, в свою очередь, взял под «опеку» завоеванные Орденом земли

⁶¹ Там же, стр. 73.

пруссов на условиях уплаты ежегодной подати. Так обосновывались на Польской земле злейшие враги польского народа — немецкие крестоносцы. В 1230 г. Зальца послал в Хельминскую область отряд рыцарей Ордена во главе с ландмейстером Германом Балке, и началось кровавое завоевание ими земли пруссов, длившееся более полувека. Крестоносцы сумели обеспечить себя достаточно широким притоком людских резервов из Германии; кроме того, они неоднократно использовали разногласия в среде славянских князей.

В то время, когда ливонские рыцари свирепствовали между Двиной и Нарвой, их собратья, тесня славян и пруссов, в 1231—1232 гг. возводили замки Торн (Торунь) и Кульм (Хелмно). В 1233 г. был построен замок Мариенвердер (Квидзынь) на земле пруссов, расположенной ниже по Висле. В том же году папская курия объявила крестовый поход в помощь тевтонам. Пользуясь политической раздробленностью Польши и своим влиянием, курия сумела привлечь к походу польских князей и тесно связанных с ними князей поморских. Феодалные распри среди польских князей помогли Тевтонскому ордену не меньше, чем соперничество между русскими правителями — Ливонскому ордену. Несмотря на мужественное сопротивление, местные пруссы были разбиты. Крестоносцам удалось продвинуться к Вислинскому заливу и по его побережью до реки Прегола. Здесь были построены замки Эльбинг (Эльблонг), Балга (Балк), Христбург (Кишпорк). К началу 40-х годов крестоносцы довольно прочно укрепились в землях Помезании, Погезании, Вармии и особенно на побережье Западной Пруссии.

В конце 30-х годов Конрад Мазовецкий попытался использовать немецких рыцарей и для борьбы с галицко-волинскими князьями, которые сохраняли союз с Литвой и имели устойчивые позиции в земле ятвягов. Польский князь думал утвердиться в области прусского Полясья, а заодно и овладеть центром русской торговли и колонизации Дорогичином. Сюда и направил Конрад отряд добжинских рыцарей-меченосцев⁵² под предводительством Бруно; князь «пожаловал» им в 1237 г. русский город Дорогичин, которым сам не владел. Однако волинский князь Даниил Романович (1221—1264 гг.) решительно пресек попытку крестоносцев продвинуться в русские земли. По словам волинского летописца, он заявил: «Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ [крестоносцам]... и пойдоста на не [них] в силе тяжкце»⁵³. Русские войска разгромили рыцарей под Дорогичином и захватили в плен самого Бруно. Это произошло в марте 1238 года.

Итак, немецкое вторжение в Восточную Европу охватывало всю Восточную Прибалтику, угрожало Северо-Западной и даже Юго-Западной Руси. Конечно, такие операции Ливонского и Прусского (Тевтонского) орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и все возрастающую поддержку крупнейших политических сил католической Европы — германских императоров и папства. Единство целей немецких рыцарей, воевавших в Прибалтике, их поражения на Эмайгыи, при Шауляй, в Дорогичине, а также новые задачи, которые ставили крестоносцы, готовясь к вторжению на Русь и в Литву, вызвали политическое объединение их сил.

В результате длительных переговоров при деятельном участии папской курии весной 1237 г. в Витербо было достигнуто соглашение об объединении Ордена меченосцев в Ливонии с Орденом тевтонов в Пруссии. Магистр меченосцев стал ландмейстером Тевтонского ордена. Осенью этого года в Ливонию прибыл провинциальный магистр Герман Балке с первым отрядом тевтонов. Следом за ними явился и легат Вильгельм Молденский. Ему поручалось реализовать достигнутое в Витербо секретное соглашение между папой и Орденом о передаче датскому королю Северной Эстонии и военному союзе с ним. Переговоры тянулись год. Датский король грозил пустить в дело свой флот. Наконец 7 июня 1238 г. был подписан договор. По этому договору Северная Эстония вновь отходила Дании, но осевшие здесь на землю немецкие рыцари не изгонялись. Договор был заключен за счет третьей стороны: это трижды упомянутые земли, «которые должны будут быть приобретены у язычников общими усилиями» и из которых «король получит две части, и братья [рыцари] — третью [часть] со всеми светскими правами и доходами»⁵⁴. Под «язычниками» союзники понимали и Русь, и подвластные ей земли ижорян, води, карел. Готовилось наступление на Русь, само существование которой порождало тревогу у обосновавшихся на ее границах грабителей. К сожалению, в ту пору еще не было союзного договора между Русью, Литвой и Польшей в защиту их общей независимости.

Наконец, для верного суждения о внешнеполитическом положении Верхней Руси накануне решающих боев надо осветить ее отношения со Швецией и Норвегией. Наши летописцы очень скупо отразили русско-шведские отношения после возобновления мира в 1201 году. Но, судя по известиям, относящимся к торговле, эти отношения были удовлетворительными. Резко обострилось положение лишь после падения Юрьева. Папский престол относил и Финляндию и Карелию к сфере интересов крестоносцев. В 1209 г. папа писал о жалком положении католиков в Финляндии. Иннокентий III направил сюда английского доминиканца Томаса в качестве епископа финнов; его поддерживал Гонорий III, требуя торговой блокады врагов веры, то есть карел и рус-

⁵² Petri de Dusburg. Chronica terrae Prussiae (далее — PD). Leipzig. 1861. Lib. II, cap. 4.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908, стб. 776.

⁵⁴ LUB. Bd. I, № 160.

ских. Поход Ярослава Всеволодовича в 1227 г. в Финляндию вызвал жалобу Томаса, и два года спустя папа Григорий IX призвал основные торговые центры Прибалтики: Линчёпинг (в Швеции), Висби (на о. Готланд), Ригу, Дюнаюнде и Любек — под угрозой церковного отлучения не продавать язычникам и союзным им русским оружия, лошадей, суда и продукты. Не обошел своим вниманием папа и «вотских язычников».

Судя по отчету Томаса папе, Швеция не оказывала существенной поддержки этому финскому епископу, и в 1232 г. папа распорядился, чтобы немецкий Орден взял Томаса под свою опеку. Видимо, в эти годы новгородское правительство приняло некоторые меры к восстановлению своих позиций в Финляндии. Такой вывод позволяет сделать содержание буллы Григория IX, отправленной 9 декабря 1237 г. главе шведской церкви архиепископу упсальскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, — писал папа, — народ, называемый тавастами [финны], который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей возвращен к заблуждению старой веры [то есть к православию] и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола, совершенно уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии». Папа призывал шведских феодалов, суля им льготы, с оружием в руках выступить против финнов. «Яростью этих язычников, — сокрушался папа, — владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи бога и апостолического престола»⁵⁵. Видимо, восстановление в Финляндии приобрело широкий размах, привело к изгнанию шведских феодалов и к восстановлению политических связей еми с Новгородом. Из этой буллы следует, что неудачи Швеции в земле финнов папа объяснял вмешательством русских («близких соседей»), причем неудачи эти были так велики, что провозглашались крестовый поход и против финнов и против русских. Как видим, положение здесь было сходное с тем, что наблюдалось в Эстонии и Латвии. Папская булла, поскольку она основана на информации из Швеции, правильно передает сложившееся при королевском дворе убеждение, что шведские позиции в Финляндии и в Финском заливе не могут быть упрочены до тех пор, пока не будет подчинена не только земля еми, но и сама Новгородская Русь.

Об отношениях Руси с Норвегией мы знаем еще меньше. В начале XIII в. русские поморы, двигаясь из Белого моря, освоили плавание вдоль Кольского полуострова, где собирали дань с саамов, и появились у побережья Северной Норвегии⁵⁶. Руско-норвежские отношения были мирными, а границей считалась совместная область сбора саамской дани.

Итак, папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, где она содействовала объединению сил Ордена и Дании, но и с севера, поддерживая организацию крупного наступления со стороны Швеции. История Руси сложилась так, что именно в эти годы ей был нанесен второй страшный удар татаро-монгольскими завоевателями с востока⁵⁷.

(Окончание следует.)

⁵⁵ FM, № 82; И. П. Шаскольский. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7.

⁵⁶ И. П. Шаскольский. О возникновении города Колы. «Исторические записки». Т. 71. 1962. стр. 278—279.

⁵⁷ См. подробнее В. В. Каргалов. Указ. соч.